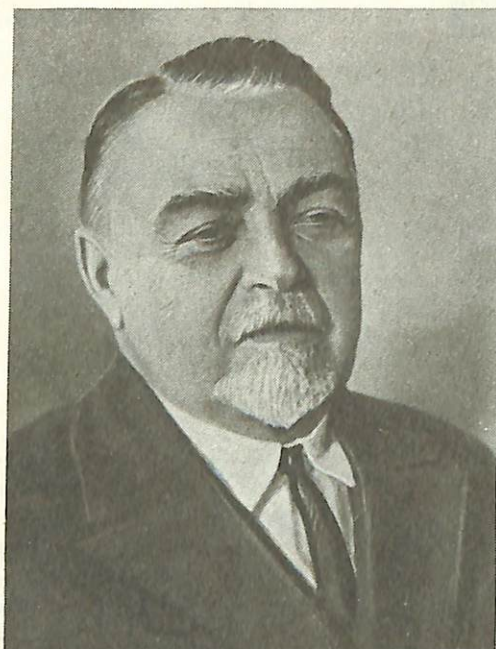

Лукьянов Павел Митрофанович (1889—1975) — профессор, доктор технических наук, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР. Им были написаны фундаментальные монографии по истории химии и химической технологии.

Шателен Михаил Андреевич (1866—1957) — член-корреспондент АН СССР, Герой Социалистического Труда. Участвовал в составлении плана ГОЭЛРО. Хорошо известны его труды по электротехнике, светотехнике, метрологии, истории техники.

Редакция благодарит младшего научного сотрудника ИИЕТ АН СССР О. В. Севастьянову за предоставленные фотоматериалы из фонда иконотеки Института.

К. И. Шилин

ЖИВОЕ ЗНАНИЕ КАК КОНТЕКСТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

Человечеству — конец? Наука и техника, считавшиеся могучими двигателями прогресса, — не основные ли средства экологического самоубийства? Превращения биосферы в технотехносферу? В чем выход? Какой должна быть экологическая перестройка науки, особенно естествознания и техники, их истории? И с чего же все это грехопадение началось? Ведь вроде бы науку и технику творили в общем-то честные и подлинно талантливые люди. И тем не менее идущая катастрофа — вызывающий ужас, несомненный факт, и наука и техника имеют к этому, увы, самое непосредственное отношение.

Живое знание [1—3] берется в данной работе как некий фон и основание, пусть и неявно определяющие глубинное содержание естествознания и техники (ЕТ), как и всякого творчества. В эмпирическом плане под живым знанием имеется в виду то, что характерно для Востока, искусства, детей, религии.

Главное, что отличает живое знание от знания предметно-расчлененного, характерного для естествознания и техники и их истории, — это **структура**. В одном случае она подобна структуре живого существа, биообщения, любовно-дружественного, человеческого общения... Во втором — структуре отношений между неживыми предметами и антагонистическими классами (см. [2, 3, 5—7]).

Против того, что научно-техническое знание должно быть живым, мало кто будет возражать: все хотят жить. Но ведь ЕТ — еще и социальный институт. Со всеми его ограничениями. А они-то и реализуются в структуре имеющегося, предметно-расчлененного знания.

Изначально, естественно, все было живым или ему уподоблялось. Преднаучное знание и с ним связанная предтехника тоже были живыми и живому уподобляемыми. Они были средствами «вписывания» человека в мир живой природы, прекрасной, гармоничной, мудрой и могучей.

Главное отличие структур живого и предметно-неживого знания в том, что первое построено на субъект-субъектном общении, а второе — на субъект-объектном, или предметно-деятельном, отношении, когда объект, или предмет (в данном случае их различием можно пренебречь), — это то относительно пассивное, на что направлена активность субъекта. В конечном счете — субъекта управления как одностороннего воздействия, имеющего целью интересы правящей элиты, а лишь потом и в незначительной мере — интересы масс. В этом смысле естественнонаучная картина мира — это картина управляемого мира, «подогнанного» к его функции быть управляемым. А естествознание и техника (вместе с экономикой) — основные средства управления-манипулирования обществом и природой, предметно-иерархическим образом структурированные. Это значит, что существующая предметно-ориентированная структура науки и техники идеологична, обусловлена интересами элиты, а уж потом — познания. Итак, структура ЕТ двойственна: биоподобна и идеологична (в худшем смысле).

Но наиболее удобное средство управления-манипулирования людьми — не сам человек и не живое существо, а неживой предмет: предметы потребления, товары, деньги, предметно-неживое знание, техника. Поэтому расширение сферы ЕТ — это расширение зоны смерти. В этом смысле

экокатастрофа — продукт не огрехов НТР, а ее мертвящей формы, запредельного расчленения ею живой природы, превращаемой в предмет естествознания и техники.

Выход может быть найден в переорачивании соотношения между двумя основными пластами ЕТ и в снятии претензий их предметно-мертвящей структуры на всеобщность. А для начала необходимо экологическое переосмысление нашего подхода к истории естествознания и техники (ИЕТ).

Чтобы понять характер экокрисиса ЕТ, достаточно проследить с самого начала их экологическую двойственность, особенно их антиэкологичную структуру. Но я ставлю вопрос иначе: как определить экологически позитивные перспективы естествознания и техники и их истории? Для этого нужно исходить не из истории естествознания и техники, а из чего-то ей предшествующего: экологически гармоничных искусства, религии, восточной культуры, с характерным для них живым знанием. Тогда-то, на таком экологично-общечеловечном основании и в естествознании и технике, и в их истории мы сможем сделать явный и естественно вытекающий из принятых оснований акцент на общечеловечно-экологичном содержании рассматриваемого. Тогда-то логична будет постановка вопроса и об экофильной перспективе. Впрочем, тогда и экофобно-предметно-мертвящий характер структуры ЕТ и ИЕТ будет выявлен четче и определеннее, но, главное, сразу же может быть поставлен вопрос о сохранении этой структуры в качестве частного случая некой иной целостности. Эта последняя и будет рассматриваться как основание, контекст, глубинный пласт содержания, но тем самым и как перспектива ЕТ.

Итак, в данной работе не только история, но и естествознание и техника берутся как особые, негативные формы экосоциальных отношений. Или, говоря на языке логики, как антитезис. Но тогда искусство берется как тезис, а по отношению к нему ИЕТ — как разные формы попредметного разъединения человека и биосферы, живого — на элементы техники и атомы (см. также [2, 5—7]).

I. Живое знание как предпосылка ИЕТ

Донаучно-технические культуры Востока (например, Индии, Китая), а также искусство, политеизм обладают несомненным экологическим преимуществом перед ЕТ, заключающимся, если говорить коротко, в их гармоничности, цельности, полном слиянии человека с живою природой. Эти свойства определялись общей ориентацией человека до эпохи ЕТ на живую природу и как бы естественно вырастали из нее. Донаучное знание и простейшие технические средства, предшествовавшие технике в современном ее понимании, также не могли не определяться теми же общими структурными свойствами: гармоничностью и цельностью (которыми не обладают современные ЕТ, что не случайно). Ибо являются — для человека тех культур — творениями всеобщей Матери-Природы, а не человека, который осознавал себя как ее младший соавтор в творении всего остального мира. Живое знание — иным оно и не могло быть — было выражением опыта самой жизни природы и средством организации человеком своей жизни *внутри* природы в гармонии с нею. Это как бы вторая форма ее бытия, становящаяся также тем непосредственным гармоничным целым, моментом которого ощущал себя индивид. Такое знание было священным, полным тайн и чуда, красоты, добра и справедливости.

Техника понималась не как нечто внешнее по отношению к живой природе и человеку (как ныне), а как структура гармонизируемой человеком жизни в соответствии с ритмами самой природы. Но технику можно считать и структурной формой организации жизни человека живою природой. Это одно и то же (техническое) средство их взаимной гармонизации. Гармонизирующая функция техники сохраняется и ныне, хотя и подспудно, на глубинном уровне культуры, что позволяет увидеть неоднозначность ее функционирования в современном мире, а также наметить пути ее дальнейшего, уже экогармоничного развития гармонизирующим себя Человеком.

II. Экологическая противоречивость современных знания и техники

Подход к ИЕТ с позиций живого знания дает возможность различить в ней два основных пласта, или уровня содержания: 1) антично-западноевропейский, начатый софистами, Сократом, Платоном, Аристотелем и продолженный Декартом, Гегелем, позитивистами (несмотря на их вроде бы несовместимость); 2) общечеловечно-экологичный, продолжающий линию Востока и развиваемый русской культурой, в частности такими ее представителями, как Вл. Соловьев, В. Ф. Эрн, П. Флоренский, Г. Г. Шпет, В. И. Вернадский [8—18].

Первый уровень тоже не однозначен. Ведь были Франциск Ассизский, Гёте, Кант, Шеллинг, Фейербах, романтики, А. Швейцер. Правда, эта линия не стала ведущей, но она все же была. От нее можно оттолкнуться, чтобы в конечном счете перевернуть современные предметно-фетишистские представления ЕТ и их истории.

И хотя в настоящее время преобладает антично-западноевропейский уровень знания, я начну рассмотрение современности все же с общечеловечно-экологичного, ибо первый ведет в тупик. Экологическое будущее человечества может быть выведено лишь из второго уровня, который, кстати, своим сегодняшним трагически-катастрофичным состоянием воочию показал общую экологическую бесперспективность «западного» пути, по которому мы, русские, столь доверчиво пошли, начиная с Петра, а затем ускорили движение в начале века. А ныне еще более усиливаем этот «перекося».

Биочеловечность понимания науки и техники русской культурой. Священным и живым знание остается и в православии. Это обусловлено и собственным языческим отношением к знанию как таинственному творению самой жизни-природы, и библейским влиянием христианского монотеизма. Особенно значимый вклад внесли Вл. Соловьев, В. Ф. Эрн, П. Флоренский, В. И. Вернадский, Н. Ф. Федоров. Хотя вклад этот только сейчас становится нашим достоянием.

Общий вывод: знание остается живым, цельным, гармоничным, добрым, эмоционально-художественным, продолжая в этом отношении традиции Востока. Но оно наполняется еще и новой формой жизни — человека в его равенстве-с-природой, а значит, в его собственной значимости. Не противопоставляемой им, однако, природе. Но человека в смысле Богочеловека и Человекобога (и в тенденции Человека-Бога).

Так, у Вл. Соловьева его «цельное знание» — это органическое всеединство, или цельность «всеорганизма». И в этом смысле все есть организм: и Бог, и церковь, и религия, и общество, и, конечно же, цельное знание.

Но опять-таки в двух смыслах: организм природы и (душевно-софийно-духовный) организм человека. В этом, по-видимому, органицизм соловьевского учения цельного знания. Благодаря такому взаимоотождествлению двух разных сторон Вл. Соловьев сумел избежать психофизического дуализма западной цивилизации.

Близким образом трактуется в русской литературе и понятие техники: она божественна тоже в двух смыслах — биоприродно-софийном (продолжающем линию Востока) и монотеистично-божественно-человечном. Эти два смысла неразрывно связаны; София, по Соловьеву, есть Матерь-Природа и в то же время Душа человечества. Это значит, что техника в его понимании есть способ взаимогармонизации и взаимоstructuring человека и биосферы. И так же, как и на Востоке, техника не противостоит ни человеку, ни жизни вообще, ибо они и сами не противопостоят друг другу, хотя и находятся на уровне своего гармоничного общения на равных (подробнее см. [3, 11—15]).

Антиэкологичность структур современных техники и естествознания. Эксперимент Платона — Аристотеля. Современные ЕТ и их история исходят из тех социальных структур, которые в форме философско-научного знания были заданы софистами и Сократом, Платоном, Аристотелем. И в этом смысле мы, все человечество, — их испытываемые-истязаемые. Конечно, последние трое — лучшие люди и своего, и последующих веков. Они лишь структурой своего философского, а затем и научного знания, впоследствии распространенного и на технику, придали логическую завершенность тому пути, по которому пошла влиятельная часть эллинского общества (торговцы, рабовладельцы, короче, элита). Однако подобные тенденции наблюдались и в иных регионах мира: в Китае, Индии, арабском мире... Но нигде не вылились в такую логико-гносеологически-диалектически классическую форму, как в Греции. Поэтому с полным правом этот эксперимент может нести их имя.

Конечно, в эксперименте активно участвовали и такие известные фигуры, как Александр Македонский. И все же не он дал основные идеи. Эллины по-своему, предметно-антагонистично, решили проблему структуризации знания. И лишь ныне стало ясно, что это решение ложно.

А с чисто «технической» стороны — эксперимент блестящий и грандиозный: увлечь за собой многомиллионное человечество посредством нескольких идей, приведших «всего лишь» к иной структуре культуры (в самом широком смысле как сферы общения между человеком и природой), начиная со структуры той поэтической мудрости, которая на том же поэтично-художественном уровне была перестроена Сократом и Платоном в структуру философии и закреплена структурой научного знания Аристотелем. И структура эта до сих пор кажется естественной нормой, соответствующей-де самой «природе вещей» (но не сути жизни). Естественной она представлялась и ее творцам. (А вот для японцев естественной стала иная, биогармоничная структура знания [20]). И в этом смысле

сначала эллины, а затем все человечество превратили свою собственную жизнь в «экспериментальное поле», считая совершенную ими перестройку своей жизни естественной, не считая ее экспериментом. Тем не менее это все же можно считать экспериментом, с которым должно ныне покончить, ибо он завершился экокатастрофой (первая его фаза — гибель Арала). Суть эксперимента проста: смена биоморфизма (биоподобия) живого знания физикализмом, организма — «техницизмом», «техноморфизмом», подобием неживому.

Но вот следствия... Поэтизированная мудрость была перестроена в рационалистично, жестко иерархично построенное естественнонаучное, строго квантифицируемое знание. Дружественное общение с живой природой было перестроено в жестко организованные субъект-объектные отношения при отнесении основной активности субъекту и (насильственном) ограничении природы ролью пассивного «объекта». Образно-живая картина природы, включавшей человека, была перестроена в естественнонаучную картину мира, имевшую относительно мало значащий «довесок» в форме психологии человека, что в целом дало психофизический дуализм, а точнее говоря, разрыв прежде целостно живого мира на мир неживой-физический-механически-технический (основной) и как некая «надстройка» над ним — мир мало значащей и могущей человеческой души и «прочей живности».

Таковы внешние контуры того поистине жуткого эксперимента, наиболее вероятный исход которого — уже начавшаяся экокатастрофа, **рукотворная**, являющаяся прямым итогом эксперимента по перестройке структуры общения в структуру строго однозначных, «техноморфных» отношений.

В чем же истинный, глубже лежащий смысл этого экоэксперимента, в сути которого не отдавали себе отчета даже его основные авторы?

Проще, видимо, начать с техники, с вещных отношений, хотя бы потому, что имеется хорошо продуманная теория товарного фетишизма К. Маркса, ныне почти забытая и практически игнорируемая. В применении к социально-экономической функции техники и в связи со всем сказанным выше ее можно проинтерпретировать примерно так, как это сделал Льюис Мэмфорд, но и так, как это дается ниже. Впрочем, это близкие концепции.

Техника остается внутренней структурой общества, формой его самоорганизации, но выносится им за пределы живого индивида и уж тем более за пределы жизни природы — в мир принципиально неживых предметов. Глубоко скрытая причина такой самотрансформации общества — в практическом тождестве структуры техники и классово-антагонистических отношений. Господствующей элите легче управлять массами, если обосновывать структуру управления структурой материально-технической «базы» общества. А необходимость последней как якобы сферы производства предметов потребления достаточно очевидна. Конечно, техника — это и средства производства. Но главное-то в ней иное, вовсе не очевидное: техника — это основное средство власти. То есть техника имеет не одну, а две основные функции: общечеловеческую и властную. Господствует ныне — вторая.

Перестройка структуры социальных отношений, до того времени выводимая из структуры жизни природы, привела и к перестройке структуры качества массы людей: потребительское, внешне-предметное начало воспринимается нами и до сих пор в качестве «базиса» уже и всей жизни людей и даже жизни природы.

Соответствующая же перестройка произошла и в структуре знания: оно из живого стало предметно-расчлененным, на технику ориентированным, а значит, и «техничкоподобным», или физикалистским. Из общего массива знания было выделено естествознание, наделенное особым социальным свойством — служить идеалом всего знания, и не только научного (биологического, гуманитарного, технического...), но и политического, учебного, даже искусствоведческого. В структуре естествознания общество в целом создало для себя высшее обоснование своих структур, в том числе и своей ориентации на технику (=экономику).

Но тогда возникшая и с тех пор лишь совершенствуемая структура естествознания есть лишь внешнее выражение структуры власти. Она создает жесткую «привязку» человека, в том числе естествознателя, инженера, вообще любого профессионала, к предметно-расчлененному знанию. И его объединяющей элите. Жизнь человека оказалась привязанной через предмет к воле собственника этого предмета. Хотя сама-то предметная «привязанность», или ориентация, вроде бы не является насилием, а диктуется как будто бы интересами научно-технического «прогресса», разделения труда в науке и т. п. И действительно, насилие незаметно, глубоко скрыто, предзадано самой изначальной структурой техники и предметно-преобразованного знания.

Предлагаемая постановка вопроса не ставит под сомнение действительно великие исторические

достижения ЕТ. Но дает им еще и социально-экологическую интерпретацию. Ведь именно естествознание и техника оказались основными способами попредметного расчленения уже не только живого знания в неживое, но и жизни природы на уже неживые элементы. Ведь естественнонаучная картина мира — это картина **неживого** мира, умерщвляемого поэтапно: сначала естествознанием, а затем экономикой и техникой.

Вся сфера ИЕТ (и тем более ЕТ) находится не только в особо лживом состоянии сознания (см. [19]), но и реально в экокатастрофогенном состоянии: они являются мощными источниками и средствами экокатастрофы. И для выявления их ограничений и моделирования нового, экогармоничного уровня развития «ощущается нехватка» не столько слов (см. [19, с. 6]), сколько идей, мыслей. Социальные проблемы ИЕТ «ощущаются, осознаются, но в силу каких-то причин никак не могут вербализоваться, отлиться в спасительные общезначимые формулы» [там же] потому, что они стали некими гораздо более сложными — **экологическими** проблемами, включающими в себя современные социальные проблемы (в том числе и проблемы ИЕТ) в качестве частного и в основном вырожденно-отчужденного случая.

Ни той лжи, ни того вреда, которые несут ИЕТ и тем более ЕТ, их представители в общем-то не видят. Общепринято, что они несут лишь благо. Я бы лишь переформулировал: с одной стороны, они ориентированы на добро, благо, правду-истину (по своим личностно-человеческим устремлениям), с другой — они несут зло, вред, ложь (по своим «объективно»-социальным функциям, которые экофобны по сути).

В этом контексте можно уточнить одно из положений статьи Г. Ч. Гусейнова «Ложь как состояние сознания» [19]: «Речевое поведение изначально ориентировано именно на ложь. Подобно тому как греческий философ называл истинной целью любомудрия постижение смерти, так и филолог может с полным правом назвать речевое поведение и осмысление речи попыткой постижения лжи» [19, с. 65].

С эпопозиций данное, очень тонкое наблюдение может быть ограничено в основном антично-западноевропейской цивилизацией. Для Востока характерна качественно иная ориентация языка, мышления, поведения: на жизнь, добро, правду, красоту, гармонию. В принципе эта установка сохраняется и развивается и русской культурой в целом, и русской экософией, и даже сферами ИЕТ и ЕТ.

Из данного уточнения постановки проблемы вытекает и еще одно, очень важное различие-уточнение. Для начала приведем уточняемое положение: «...привлекательные девизы (например, совсем безобидный: „кто ясно мыслит, тот ясно излагает“ (создают исключительно благоприятный континуум „хозяина жизни“ — только не внешней, в виде природы, премудростей техники и науки, а внутренней, в виде души, разума.

„Идеология правды“ имеет дело, конечно, вовсе не с языком (и не со знанием. — К. Ш.) в первую очередь, ее основной предмет — социальная действительность... руководствующийся этой идеологией человек приступает к грандиозному социальному эксперименту (продолжая тем самым гораздо более грандиозный, экологический эксперимент. — К. Ш.). При этом он обязательно опирается на науку, точные знания» [19, с. 65].

А теперь уточним приведенное положение. «Хозяин жизни», превративший просто правду в «идеологию (мнимой) правды», делает своими средствами и язык, и знание, придавая им особые, упрощенно-профанные формы: «демократизированный» язык, «ясное» мышление и изложение, точное, или предметно-упрощающее («естество»), знание (неживую) технику, в которую он превращает — в тенденции — всю биосферу. «Объект» этого управления посредством идеологии лжи — не только «масса» (людей), но и **природа**. Поэтому этот эксперимент является не только «чисто» социальным, но шире — экосоциальным. И начат он не с реформы языка в СССР, а гораздо раньше — с перестройки биогармоничного знания (характерного для Востока и досократиков) в знание предметно-расчлененное, с переориентации человека с живой природы на внешнепредметное бытие своего труда. В этом континууме можно понять и приращение языку также и функции обманывания (что заметил еще Эзоп).

Для естествознания, техники, истории, знания в целом и языка это означает серьезнейшую историческую локализацию их функционирования в качестве орудий обмана, зла, управления-манипулирования, разрушения природы.

Значит, «корень зла» заключен не в языке, не в знании, не в человеке и не в природе, как таковых, а в их извращенно-отчужденных формах: в упрощенно-профанных формах языка, знания, техники, человека, общества, культуры. Посредством «раздувания» идеологических их «перекосов»,

упрощенных, квантифицируемых, предметно-потребительских их сторон они приводят к вовлечению в экологический эксперимент всего человечества и всей биосферы. Эксперимент, ведущий к рукотворному апокалипсису. И «миллионы людей» не просто «промокли» под «дождичком» лживой идеологии [19, с. 69]. Нет. Они были вовлечены в этот умопомрачительный «естественнонаучно-технический» эксперимент, продолжающийся до сих пор. Не пора ли его прекратить?

Но в движении к его снятию необходимо еще одно и последнее уточнение удивительно яркой и глубокой концепции Г. Ч. Гусейнова. Речь идет о спекуляциях на словах «народ», «народный», «народность» и т. п.: «Слово „народный“ и не может в условиях социолингвистического эксперимента означать что-то иное, нежели „чуждый народу“, и нужен только здравый смысл, чтобы внятно сказать, что „врагом народа“ был для „отца народов“ сам народ» [19, с. 72]. Очень хлесткая мысль. И во многом верная. И все же рискну пойти чуть глубже.

Народ был для «отца народов» скорее все же объектом идеологического обмана — управления-манипулирования, а деклассированная его часть, люмпен — и средством, для которого достаточно было обмана и подачек. Подлинным же врагом этой системы была творческая интеллигенция, способная и склонная разоблачить этот обман (интеллигенция типа и уровня А. Д. Сахарова). Именно на нее был направлен основной удар. Народ же, лишенный своих естественных лидеров, превращался в стадо, славящее «своего отца» и побивающего камнями своих подлинных героев. Которые далеко не всегда были естественники, творцы новой техники и их историки. ЕТ по-прежнему играют роль основных средств в продолжающемся экологическом эксперименте, опирающемся на обман и научно-технической интеллигенции также.

Можно согласиться с расхоже-шутливым разделением естественных и «противоестественных» наук. Действительно, «очищение» гуманитарного знания от био-«плотского» содержания и гармонии с ним противоестественно. Но ведь не менее противоестественно приращение естествознанию статуса «объективности», освобождения от субъективизма, а вместе с тем и от самого субъекта естествознания — ученого, а также и от всего человеческого. Это разъединение человека и природы особенно противоестественно и прямо-таки катастрофично ныне, когда человек со своей наукой — техникой — экономикой стал решающим фактором эволюции жизни на Земле. Элиминируя человека из предмета естествознания, он тем самым лишает себя возможности понять современную ситуацию.

Логическую завершенность разделения науки на естествознание и обществоведение получило в форме превращения-отчуждения гармоничного экообщения в противоречие материи (неживого-потребляемого предмета) и (бесплодно-безжизненного) духа. Начало этому противоречию положил Платон.

Итак, жить при существующей предметно-технико-экономической ориентации знаний и общества можно только элите. Да и то временно. Ибо своими сначала «мозгами», а затем и руками мы умиротворяем жизнь вообще, включая свою собственную жизнь. Но ведь сохраняется и развивается тот огромный пласт культуры — искусство, который лишь используется естествознанием и техникой, тоже являющимися в глубине своей искусством, интуитивным творчеством.

Выход — в «обратной» переструктуризации знания и культуры в систему общения с природой, т. е. предметного знания в высшую форму знания живого.

III. Экологическое будущее истории естествознания и техники, или Что эта сфера культуры может сделать в перестройке экокатастрофы в гармонию

Выход вижу, условно говоря, в отказе от эксперимента, суть которого я попытался выявить, т. е. в возвращении на магистральный, экологически-гармоничный путь развития человека в **отныне осознанно полагаемой им гармонии с биосферой и взятии им на себя ответственности за нее**. Для ЕТ это: 1) изменение их структуры: из построенной на противоречии и безразличии — в организуемую посредством гармонии; 2) их качественное усложнение путем утращения их функций и при, естественно, их превращении из негативных в экологично-человечно позитивные. Это означает превращение науки и техники в формы гармоничного искусства, являющегося способом: а) самосозидания человека как творческого существа; б) во имя продолжения-созидания человеком жизни на Земле в соавторстве с природой.

Для самих ЕТ можно выделить три основных направления усложнения их структуры.

1. Экологический синтез истории и биологии (по В. И. Вернадскому), т. е. выход естествознания на качественно новый уровень рассмотрения особой структуры: гармоничного общения между

человеком и живой природой. Это означает примерно следующее: утروение структуры естествознания, каждый его «квант» должен говорить не только о **живой** природе (отныне уже не умерщвляемой и не отрываемой от человека), но и о человеке, об их гармоничном общении. Практически это перестройка науки в искусство. (Принцип такого утروения смысла текста я попытался реализовать в работе [20].)

2. Снятие предметной (мертвящей) расчлененности профессионального естествознания, или «возвращение» ему того множества смыслов, которым оно наделено, например, в классической китайской культуре, в японском искусстве.

3. Наделение ЕТ и ИЕТ еще одним, самым значимым смыслом — быть средством творчества жизни природы.

Для истории вообще и для ИЕТ, в частности, это осмысление всей живой целостности истории биосферы и человека, их гармоничного экообщения как основания для прогноза данной системы [21, 22]. Это означает углубление исторического исследования вплоть до выявления в прошлом тех глубин, на которых оказалась история экообщения, т. е. подлинная история экопрогресса, рассматриваемая, однако, как нечто «вторичное» и зависимое от своих же следствий, расчлененно-предметных форм своей организации. ИЕТ, как и вся культура в целом, снимает свое противоречие с эволюцией жизни, обретая тем самым экогармоничный уровень своего развития. Это должно привести к качественному взлету ЕТ, ИЕТ и культуры в целом. Взлет этот вдохновляем пафосом созидания, но ни в коем случае не отрицания науки и техники. «Просто» они выходят на качественно новый уровень развития. Без экологического скачка в развитии их (вместе с экономикой) решение экопроблем просто невозможно. Это достаточно очевидно.

Итак, я рассматриваю ИЕТ в контексте: жизни в целом; межчеловечно-гармоничного общения, или гуманистического искусства; необходимой их гармонии, отныне творимой Человеком-Богом. И тогда предметность ЕТ и ИЕТ — лишь частный аспект, развиваемый далее.

Список литературы

1. Шилин К. И. Живое знание // Живое знание. М., 1989. С. 3—93.
2. Арсеньев А. С. Проблема творчества в современной науке. М., 1967. Верстка. 200 с.
3. Шилин К. И. Экологическая перестройка социализма. Рукопись (166 м. с.).
4. Арсеньев А. С. Логика органических систем и психология. (Философские тезисы с психологическим комментарием). М., 1977. Рукопись. 37 с.
5. Мелик-Пашаев А. А. Гуманизация образования: проблемы и возможности // Вопр. психологии. 1989. № 5. С. 11—18.
6. Мелик-Пашаев А. А. Психологические проблемы эстетического воспитания и художественно-творческого развития школьников // Там же. № 1. С. 15—23.
7. Мелик-Пашаев А. А., Новлянская З. Н. Ступеньки к творчеству. М., 1987.
8. Вернадский В. И. Избранные труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988.
9. Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М., 1983.
10. Лосский Н. О. История русской философии. Нью-Йорк, 1953.
11. Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х т. М., 1988.
12. Соловьев В. С. Сочинения. В 2-х т. М., 1989.
13. Соловьев Вл. С. Лекции по истории философии // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 76—132.
14. Соловьев В. С. Исторические дела философии // Там же. 1988. № 8. С. 70—89.
15. Уткина Н. Ф. Тема всеединства в философии Вл. Соловьева // Там же. 1989. № 6.
16. Шеррер Ю. Неославянофильство и германофобия. Владимир Францевич Эрн // Там же. № 9.
17. Эрн В. Ф. Гносеология В. С. Соловьева // О Владимире Соловьеве. М., 1911. С. 129—206.
18. Эрн В. Ф. От Канта к Круппу // Вопр. философии. 1989. № 9.
19. Гусейнов Г. Ч. Ложь как состояние сознания // Там же. № 11.
20. Шилин К. И. Экологичность японской лирики // Человек и мир в японской культуре. М., 1985.
21. Арсеньев А. С. Человек и наука // Наука и нравственность. М., 1971.
22. Философско-психологические проблемы развития образования / Под ред. В. В. Давыдова. М., 1981. С. 54—117.